

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Несколько замечаний по поводу второго тома «Мертвых душ»

Как известно, второго тома «Мертвых душ» нет. Он был, но его сжег сам Гоголь незадолго до своей смерти, в ночь на 12-е февраля 1852-го года. Тем не менее до нас дошло кое-что из этого погибшего сочинения — правда, не из последней, сожженной версии, но из более ранних. В бумагах автора нашлись разные отрывки, к тому мы располагаем сообщениями современников, присутствовавших на вечерах, когда Гоголь читал главы из романа или рассказывал о нем. Сообщения современников могут восполнить и дополнить текст Гоголя, но сказать что-нибудь определенное о втором томе в целом все-таки по-прежнему крайне трудно. Далее, суждения о втором или об обоих томах вместе, основанные как на печатных материалах разных редакций, так и на рассказах современников автора, являются чем-то другим, чем заключения на основе только письменного или печатного текста, в котором каждое слово принадлежит Гоголю. С другой стороны не следует забывать и о том, что в сохранившихся отрывках второго тома «Мертвых душ» каждое слово также, может быть, отвергнуто тем же Гоголем в ходе работы над следующей редакцией произведения.

Уцелевшие отрывки второго тома романа Гоголя были изданы Н. Трушковским в 1855-ом году. Они охватывают первые четыре главы с некоторыми пробелами; главный из них — последняя часть, может быть — больше половины, второй главы. Далее следует еще одна глава, место которой в романе нельзя с точностью определить, хотя очевидно, что она не из первых. Первые же четыре главы относятся к редакции, возникшей, как предполагают, в 1848-ом и 1849-ом годах¹, тогда как последняя является частью редакции, на-

¹ Н. В. Гоголь: Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. Москва 1953. Стр. 449. Встречается и другая, более ранняя, датировка, см. М. Б. Храпченко: Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Москва 1980. Стр. 544.

писанной до 1848-го года. Имеются и более ранние варианты текстов. В этой маленькой статье мы ограничиваемся комментариями к «основному» тексту.

В любом произведении искусства вторая часть воспринимается и оценивается на фоне первой; читатель невольно следит за тем, в какой мере продолжение расходится или сходится с уже прочитанным. Тот, кто помнит начало первого тома «Мертвых душ», сразу отмечает, что второй том начинается совсем с другого конца, чем предыдущий. Если первый том открывается изображением движения: «В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная бричка...» — то началом второго тома является обращение к читателю от имени автора: «Зачем изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства?» Правда, и в первом томе встречается подобный пассаж, а именно начало седьмой главы; однако, в этом случае самое важное не содержание текста, а его место в произведении. Вступительные абзацы — самая важная часть произведения, определяющая восприятие всего последующего. Примечательно, что Эрик Краг, переводя роман Гоголя (1-ый том) на норвежский язык, опустил длинное обращение автора к читателю в начале названной главы, и это он мог сделать без особого ущерба для художественного эффекта, поскольку ноты, звучащие в данном отрезке текста, вносят только маленький диссонанс в уже установленное настроение произведения.²

После обращения к читателю во втором томе следует длинное описание ландшафта. И в первом томе рисуется ландшафт, но только в тесной связи с характеристикой того или другого помещика, к которому едет Чичиков, скорее всего как некое дополнение к телесным и душевным качествам посещаемого барина. В первой же главе второго тома дела обстоят иначе: здесь пейзаж описывается до того, как мы узнаем о каком-нибудь владельце. Далее, это описание гораздо обстоятельнее, чем в первом томе, и связь с помещиком,

² Перевод Крага вышел в свет в 1927-ом году и был переиздан в 1948-ом и 1973-ем годах. В последнее, пересмотренное издание Краг включил и начало 7-ой главы.

владеющим частью земли в этой местности — Тентетниковым, не так однозначна, как прежде. У читателя создается впечатление, что на этот раз Гоголь изображает природу не столько с целью охарактеризовать тот или другой отдельный персонаж, сколько с тем, чтобы задать тон для целого тома или, по крайней мере, для его первой части. Герой романа, Чичиков, собирается совершить поездку по разным губерниям империи, но в сохранившихся главах тома мы его видим только в этой идиллической местности или — в последней главе — в близлежащем губернском городе. Кстати, в этом отношении оба тома построены по одному и тому же образцу, поскольку и в первом томе Чичиков разъезжает только по окрестностям города NN.

Большое внимание, уделяемое автором этой горной, т. е. не типично русской, местности, заставляет читателя ожидать, что в новом томе Гоголь намеревается показать отход от отрицательной стороны русской действительности, ввести некоторые возвышающие элементы, подобно тому, как горы возвышаются над бесконечной русской низменностью. И на самом деле, те лица, с которыми читатель будет встречаться в последующих частях тома, оказываются на более высоком уровне, в них сочетаются дурные качества с проблесками возвышенных черт.

Первым встречает читателя молодой помещик Тентетников, о чьих детских и юношеских годах автор дает подробный отчет. Во всем романе есть лишь только один персонаж с такой же обстоятельной биографией: сам Чичиков, главный герой. То внимание, которое автор уделяет Тентетникову, указывает, как нам кажется, на ведущую роль этого персонажа в дальнейшем разворачивании действия. Разумеется, такое утверждение можно оспаривать; ведь одной из характернейших черт художественной практики Гоголя является несоразмерность значения того или другого явления и занимаемого им места в произведении. Яркий пример этого имеется еще на первой странице первого тома «Мертвых душ», где подробно описывается одежда молодого человека, который «оборотился назад, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.» Потом о нем ни слова. Но второй том своей «поэмы» Гоголь захотел сделать иначе, чем первый; это нам известно по его

собственным словам; к тому на новую установку намекает как раз отличное от первого тома подробное описание ландшафта и нового героя в самом начале тома. Создается впечатление, что на этот раз Гоголь хочет написать социально-психологическое сочинение с плавным ходом действия; ведь в это время уже появилась первая проза Тургенева, Гончарова и Достоевского — факт, который мог повлиять на планы Гоголя.

О Тентетникове в сохранившихся главах мало говорится, но по рассказам современников Гоголя мы знаем, что этот безвольный юноша должен был испытать душевное пробуждение, жениться на прекрасной Улиньке Бетрищевой, попасть под суд и быть сослан в Сибирь как участник политического дела. Как эта нить действия должна была сочетаться с чичиковской линией, мы не знаем; но мы можем с уверенностью утверждать, что такая композиция, совмещающая две событийных линии, поставила бы перед автором проблемы гораздо более сложные, нежели однолинейное построение первого тома.

От Тентетникова Чичиков отправляется к соседним помещикам. Из них только один изображается с той отрицательной односторонностью, с которой мы знакомы по первому тому — полковник Кошкарев. Примечательно, что пребывание Чичикова у этого яростного бюрократа обрывается довольно быстро, хотя оно могло дать повод к гораздо более развернутому описанию. Кажется, Гоголь уже не так занят лицами, одержимыми только одной всеобъемлющей дурной страстью.

Этому утверждению, кажется, противоречит изображение помещика Петуха, к которому нечаянно попадает Чичиков. В голове у Петуха только одна мысль: еда. Но в отличие от Собакевича, первого крупного обжоры в романе, Петух сумел превратить чревоугодие в нечто поэтичное; его заказы у повара звучит почти как целая поэма. И именно у него совершается чудесная поездка по реке и озеру с песнями, которая даже в Чичикове возбуждает чувство русскости.

И в помещике Хлобуеве совмещаются добрые и дурные качества. С одной стороны он скверный хозяин; его имение оказывается в совершенном запустении, и сам помещик по уши в долгах.

Но с другой стороны в нем есть и ум, и живое религиозное чувство. А что касается генерала Бетрищева, Гоголь не только показывает его различные качества, но и четко перечисляет их: «Генерал Бетрищев, как и многие из нас, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков. То и другое, как водится в русском человеке, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты — великодушные, храбрость, безграничная щедрость, ум во всем, — и, в примесь к этому, капризы, честолюбье, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русский, когда он сидит без дела.»³

Однако, отличие второго тома от первого состоит не столько в самом совмещении противоположных качеств в одном и том же человеке, сколько в его подчеркивании. Ведь и помещики первого тома обладают кой-какими достоинствами: у Собакевича мы наблюдаем солидность и здравый ум, у Плюшкина бережливость, у Манилова деликатность. Но автор или не делает упор на эти достоинства, или изображает их в преувеличенном и искаженном виде, тем самым превращая их в недостатки.

Но во втором томе «Мертвых душ» есть и персонажи без всяких отрицательных черт, если смотреть на них с точки зрения автора, т. е. с той точки, которую на основе совокупности данных в романе можно определить, как относящуюся к автору. Первым и самым значительным из них, по крайней мере в первых четырех главах, является энергичный и разумный помещик Костанжогло. В четвертой главе мы бегло знакомимся также с Василием Платоновым, и там же упоминается имя неимоверно богатого откупщика Муразова. О двоих последних пока нельзя ничего определенного сказать, и даже Костанжогло довольно кратко описан; читатель, однако, подозревает, что его роль в дальнейшем будет более значительной. В третьей и четвертой главах он изображается, как прямолинейный и сухой земледелец, единственной целью которого является благоденствие имения и деревни со всеми их жителями. Кстати, в обоих томах «Мертвых душ» мужики трактуются как придаток к имению наравне с лесами, полями, мельницами и пр.

³ Н. В. Гоголь: Указ. соч. Стр. 295-296.

Как уже отмечено, последняя из пяти сохранившихся глав относится к более ранней редакции, чем предыдущие четыре; таким образом, нельзя рассматривать ее, как простое продолжение этих глав. Далее, последняя глава отделана менее тщательно, что позволяет предполагать, что Гоголь подверг ее значительным переделкам в позднейших редакциях. Особенно поражают длинные назидательные речи, которые несомненно открывают замысел автора, но непомерно отягощают повествование.

Речи эти, произнесенные Муразовым и генерал-губернатором, обращены к Чичикову, который уличен в подделке завещания. Но кроме увещательных слов двух добродетельных мужей Чичиков слышит и соблазнительные речи «чиновной особы» Самосвистова,⁴ обещающего освободить его без всякого духовного очищения. Читатель не получает ясного ответа на вопрос, по какому пути пойдет Чичиков: добродетели или обмана. Но ясно, что в его душе уже существует рядом со старым проектом приобретения мертвых душ и новый: «сделаться помещиком не фантастического, но существенного имени.»⁵

Современного читателя удивляет сочетание у Гоголя добродетельной жизни с тягой к обогащению, к приобретению имени с крепостными крестьянами. Ведь сам Иисус Христос говорит: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Небесное» (Мат. 19.24); вообще в Священном Писании содержится множество предостережений от богатства. К тому же, в восточной церкви преобладает аскетический идеал жизни, а в те годы, когда писался второй том «Мертвых душ», Гоголь был особенно близок к православным церковным кругам и называл себя «странником» и «монахом», говорил о своем «внутреннем монастыре».⁶

Это сочетание трудно объяснить. Вероятно, в «поэме» Гоголя оно связано скорее со служением государственной пользе, нежели с

⁴ «Свист» намекает на связь с нечистой силой.

⁵ Н. В. Гоголь: Указ. соч. Стр. 337.

⁶ Д. И. Чижевский: Неизвестный Гоголь. Стр. 206. В кн.: Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Отв. ред.: Ю. В. Манн. Москва 1995. Стр. 199-229.

личной роскошью. Если Гоголь представляет разорение и запустение имений как национальную беду, то совершенно логично, что рост производительности и последовательно вытекающее из него обогащение владельца оцениваются, как нечто безусловно положительное.⁷ А Костанжогло живет, несмотря на свое богатство, своего рода аскетической жизнью, в его доме нет ничего, что не служит орудием в хозяйстве. Этот факт — намек на то, что он трудится и богатеет не для себя одного, даже не для семьи, а прежде всего ради какого-то идеала.

Беда, однако, в том, что Гоголь видит этот идеал только в узких и жестких рамках социальной действительности николаевской России. А ту «поэзию труда», которая окрашивает сельское хозяйство в сочинениях Толстого, он не сумел — или не хотел — придать своему идеальному хозяину.

Почти всегда, когда речь идет о втором томе «Мертвых душ», ставится вопрос о причинах печальной участи этого последнего сочинения Гоголя. Выше затронуто несколько пунктов, касающихся этого вопроса. Чаще всего указывают на особенности таланта Гогля, якобы неспособного изображать положительные характеры. Но в сохранившихся главах такие персонажи только набросаны, и о их дальнейшей судьбе в романе трудно судить, хотя уже имеющиеся отрывки отчетливо дают понять, что писатель, с его тяготением к гиперболизму, борется со сложной задачей: любое преувеличение вызывает смех, что хорошо, когда речь идет о качествах, достойных осмеяния, но вредно, когда должен быть «воплощен целостный положительный идеал».⁸

Но, может быть, главная причина все-таки коренится в самой композиции тома, а не в изображении отдельных персонажей и сцен. Если в первом томе характер Чичикова постоянен, то во втором автор, кажется, хочет его изменить; а достоверное изображение больших душевных перемен нелегкое дело, требующее психологического аппарата, который в то время еще был слабо разработан в

⁷ Д. И. Чижевский приводит ряд параллелей между взглядами Гоголя и утверждениями как русских, так и западных, в основном протестантских, писателей разного профиля. См.: Указ. соч. Стр. 217-221.

⁸ М. Б. Храпченко. Указ. соч. Стр. 536.

русской литературе. Кроме того, появление другого главного героя в лице Тентетникова, умственное и нравственное развитие которого тоже будет темой романа, сильно усложняет построение целого произведения.

Таким образом, перед Гоголем стояли задачи не только превращения «физиолога» в «психолога»,⁹ но и перехода от простой к более сложной композиции.

SUMMARY: Some Comments on the Second Volume of “Dead Souls”

The present article deals with the various problems that faced N. V. Gogol’ working on vol. II of his great novel. Attention is paid not only to ideological and psychological matters, but also to the more complicated composition pattern which can be discerned in the five preserved chapters of “Dead Souls” II.

e-mail: erik.egeberg@hum.uit.no

⁹ В. В. Гишпиус: Гоголь. Ленинград 1924. Стр. 167.